

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. З. ГАДЖИЕВА

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ТЮРКСКОЙ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ареальная лингвистика является сравнительно молодой отраслью лингвистической науки. Ее возникновению способствовали два основных стимула — появление новых взглядов, связанных с проблемой происхождения индоевропейских языков, и применение новых методов изучения диалектов. Ареальная лингвистика явилась органическим следствием развития диалектологических исследований и как особая отрасль лингвистической науки возникла в связи с переходом к совершенно новой форме описания диалектов, выразившейся в создании диалектологических атласов.

Новый этап в развитии ареальной лингвистики начинается с попыток применения ее методов к истории языка¹. Соотношение синхронических и диахронических аспектов лингвистической географии, а также использование их отдельных приемов на материале различных языков нашло освещение в коллективном труде «Общее языкознание»².

Размах диалектологических исследований в нашей стране, осуществление десятков сотен исследований по диалектам и говорам тюркских языков, развернувшаяся работа по составлению сводных лингвистических атласов диалектов азербайджанского, татарского, башкирского, киргизского и других тюркских языков³ создает известные условия для развития тюркской ареальной лингвистики. В последние годы в тюркологической литературе стали появляться работы, посвященные описанию различных грамматических категорий географически соприкасающихся языков преимущественно юго-западного региона. Вместе с тем приходится констатировать стихийный характер такого рода исследований; что же касается методики ареальных исследований на материале тюркских языков, то она остается до настоящего времени неразработанной. Э. В. Севортян справедливо отмечает, что до сих пор не только не сформулированы задачи ареальной лингвистики в тюркологии, но пока неясно, какие именно вопросы необходимо разрешать в ареальных темах⁴.

¹ Большую значимость лингвогеографических исследований для истории языка неоднократно отмечал В. М. Жирмунский (см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956; е г о ж е, Некоторые проблемы лингвистической географии, ВЯ, 1954, 4). Основные критерии для построения индоевропейской ареальной лингвистики сформулированы в работе: Э. А. М а к а е в, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.—Л., 1964.

² См.: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», М., 1973, стр. 121.

³ О состоянии работы над атласами тюркских языков см.: М. Ш. Ш и р а л и е в, Состояние и задачи дальнейшего развития тюркской диалектологии в СССР, «Советская тюркология», 1973, 2.

⁴ Э. В. С е в о р т я н, Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике, там же, 1970, 3, стр. 16.

В истории тюркологии имели место некоторые разработки по вопросам, относящимся к анализу ареальными методами. В. А. Богородицкий придавал важное значение использованию методов лингвистической географии для воссоздания истории фонетического развития как отдельного тюркского языка, так и всей семьи в целом⁶. Для теории ареальной лингвистики представляют большой интерес наблюдения Е. Д. Поливанова над языковыми особенностями географически изолированных районов⁶. В тюркской диалектологии имеются известные разработки вопросов, связанных с контактированием языков на смежных территориях⁷. Имеются попытки провести изоглоссные линии межтюркского диалектного характера чаще с целью исторического освещения того или иного лингвистического явления⁸, а также применить к тюркским языкам юго-восточного ареала методику сопоставления синхронных исторических срезов языка⁹. В последнее время в тюркологической литературе появляются работы, в которых не ставятся специально вопросы тюркской ареальной лингвистики, но выдвигаются идеи о наличии тех или иных языковых союзов, объединяющих группу языков со сходными типологическими чертами¹⁰. Что касается пограничных явлений, то они в лучшем случае констатируются¹¹. Практически методика квалификации изоглоссных явлений, критериев их разграничения отсутствует.

Прежде всего, следует разграничивать задачи и объекты анализа диалектологии и ареальной лингвистики. Диалектолог, занимаясь языковыми единицами, выявляет диалекты. Лингвогеограф идет дальше, занимаясь пространственной протяженностью явлений. Одним из основных методов ареальной лингвистики является картографирование. Ареальная лингвистика описывает не структуру языка, а явления, существующие в данном языке, изучая не только их пространственное расположение, но и их связи, пути их распространения, зоны инноваций, центры распространения языковых фактов с выявлением ареалов языковых союзов. Если в лингво-исторических исследованиях диалектные данные используются для усовершенствования архетипов, то ареальная лингвистика — область, более тесно соприкасающаяся с историей языка, с исторической диалектологией. Возможности ареальной лингвистики шире, чем у диалектологических исследований. В задачу ареальной лингвистики входит не только изучение протяженности изоглосс и определение источников их радиации,

⁶ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., испр. и доп., Казань, 1953, стр. 101—102, 106, 108—109.

⁶ Е. Д. Поливанов, Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 8—9.

⁷ Там же, стр. 8; В. В. Решетов, К вопросу о взаимоотношении узбекских и южных киргизских говоров, «Труды Ин-та языка и лит-ры АН КиргССР», VI, Фрунзе, 1956, стр. 56; К. К. Юдахин, Уйгурско-узбекские языковые связи, «Изн. АН КазССР», Серия уйгурско-дунганской культуры, 1, Алма-Ата, 1950, стр. 29; А. К. Боровков, Вопросы классификации узбекских говоров, «Изн. АН УзССР», 5, 1953; К. К. Юдахин, Итоги и задачи изучения киргизских диалектов, «Труды Ин-та языка и лит-ры АН КиргССР», VI, стр. 54.

⁸ См., например: Ш. Х. Акбаев, Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка, Черкесск, 1963.

⁹ Г. Ф. Благова, К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии, ВЯ, 1972, 5.

¹⁰ См., например: Т. М. Гарипов, Башкирско-татарские языковые параллели, сб. «Языковые контакты в Башкирии», Уфа, 1972; Б. А. Серебрянников, О некоторых отличительных признаках Волго-камского языкового союза, там же; Л. А. Покровская, Об одном балканизме в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах, ВЯ, 1972, 3.

¹¹ См.: В. В. Решетов, Кураминские говоры Ташкентской области. АДД. Ташкент, 1952, стр. 15.

но и изучение пограничных вибраций, т. е. явлений, возникающих вследствие интерференции географически соприкасающихся языков.

Нельзя, однако, утверждать, что ареальная лингвистика несмотря на свой, в известной степени особый объект исследования, имеет специфические, только ей присущие методы исследования. Ареальная лингвистика, как будет показано ниже, использует часто методы, имеющие различные точки опоры.

В задачи ареальной лингвистики прежде всего входит констатация языковых явлений в рамках определенных языковых регионов. В данном случае методы ареальной лингвистики совпадают с методами диалектологии. Чем совершеннее методы описания диалектов, тем успешнее могут вестись лингвогеографические исследования. В описании диалектов тюркских языков часто наблюдается стихийный выбор отдельных диалектов, а не тотальное их описание, тогда как основным принципом ареальных исследований является именно тотальный охват диалектов.

Благодаря фронтальному описанию диалектов, ареальная лингвистика фиксирует в полном объеме все лингвистические факты в рамках известного ареала. Она позволяет детально учесть языковые факты, которые могут отсутствовать в других точках ареала. Всякое изменение в языке редко бывает абсолютно изолированным. Если оно осуществляется в одном диалекте, то в других диалектах есть начальные сдвиги, намечающие возможное изменение. Показательна в этом отношении интерпретация такого явления, как разрушение сингармонизма. Полная утрата типично тюркской фонетической черты — сингармонизма, предполагающей наличие взаимно противопоставляемых гласных (пар гласных) как в основе, так и в системе словообразовательных и словоизменительных формантов, произошла в узбекском литературном языке (городских говорах, положенных в его основу)¹². Процесс разрушения сингармонизма неравномерно представлен на территории Узбекистана. В узбекских говорах выделяются переходные группы, где лингвально-сингармонистические чередования обнаруживают колебания. Так, например, если в джекающих и жекающих кураминских говорах закон лингвального сингармонизма проводится последовательно, то в их переходной подгруппе намечается первая ступень сокращения лингвально-сингармонистических чередований, состоящая в совпадении негубных контрастирующих пар гласных верхнего подъема; в йекающих кураминских говорах сингармонистические чередования гласных отсутствуют¹³.

Факты нарушения сингармонизма наблюдаются не только в ряде узбекских говоров, они захватывают и соприкасающуюся с ними часть уйгурских говоров; ослабление сингармонизма наблюдается и в северных диалектах киргизского языка¹⁴. Изоглосса, связанная с нарушением палатальной гармонии, проходит и за пределами Средней Азии.

Приемы ареальной лингвистики дают возможность зарегистрировать все сопутствующие разрушению сингармонизма явления, наблюдающиеся в различных тюркских языках. Степень проявления сингармонизма в киргизских говорах связана с противопоставлением/совпадением фонем *ы* и *и*, *о* и *ö*¹⁵, а в уйгурских — еще и индифферентных *і*, *е*¹⁶. Та же взаимозависи-

¹² См.: В. В. Решетов, *Узбекский язык*, ч. I — Введение, фонетика, Ташкент, 1959, стр. 116.

¹³ В. В. Решетов, *Кураминские говоры Ташкентской области*, стр. 33.

¹⁴ См.: А. Т. Кайдаров, *Развитие современного уйгурского литературного языка*, 1, Алма-Ата, 1969, стр. 163; И. А. Батманов, *Северные диалекты киргизского языка*, I, Фрунзе, 1938, стр. 16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ А. Т. Кайдаров, указ. соч., стр. 163.

мость процесса десингармонизации и состоявшегося процесса качественно-го совпадения контрастирующих гласных тюркского вокализма наблюдается и в узбекских говорах.

Ареальные исследования дают возможность зарегистрировать встречающиеся в различных тюркских языках факты неустойчивости фонемы *a*, ее потенциальной склонности к разного рода фонетическим трансформациям (ср. *a* ~ *ы*, *a* ~ *o*, тенденции к опереднению, явление умлаута), а также совпадения фонем *ы* и *и*, *o* и *ö* (ср. узбекские, уйгурские, киргизские говоры). Все это приводит к ослаблению противопоставления гласных фонем по ряду, что обуславливает появление десингармонизованных рядов. Этот перебой рядов нашел отражение не только в узбекских городских говорах, но и в других тюркских языках Средней Азии и за ее пределами.

Редукция гласных, широко представленная в диалектах тюркских языков Средней Азии, также способствует стиранию гармонии по рядности. Ср. в бахмалском говоре узбекского языка *қар : ўй* вместо лит. *қора ўй* «юрта»¹⁷. Неслучайно И. А. Батманов, характеризуя степень снижения сингармонизма в северных диалектах киргизского языка, отмечает, что сначала в них утрачивается лабиализация широких гласных (вместо *a* ~ *e*, *o* ~ *e* имеем *a* ~ *e* или *a* ~ *ə*) в третьих аффиксальных слогах благодаря редукции гласного; потом — во вторых и первых¹⁸. Редукция, а также совпадение мягко- и твердорядных гласных в одной индифферентной фонеме (ср. узб., уйг., кирг. *ъ* = *ы* + *и*, кирг., узб. *ö* = *o* + *ə*) ограничивают действие губной гармонии. Одной из внутренних причин колебаний передней гармонии являются факты опереднения *к* или его трансформации в *ж*, что ослабляет сопротивляемость по ряду¹⁹. Расшатыванию палатальной гармонии в Средней Азии и главным образом на территории современного Узбекистана способствовало также интенсивное смешение разных тюркских языков, обладающих сходными, но тем не менее специфическими системами вокализма. Ср., например, огузскую систему вокализма с ее фонемами *ё* и *у* западноевропейского типа и относительно устойчивым *і* и *и*, с одной стороны, а с другой — кыпчакскую систему вокализма с *ө* и *ү* более задней артикуляции и с менее устойчивыми *і* и *и*, которые в результате конвергенции в отдельных кыпчакских языках дали индифферентное *к* (задней или передней) рядности *ъ*. Таким образом, разрушение палатальной гармонии в диалектах и говорах на территории Средней Азии было подготовлено внутренними условиями фонетических систем ряда тюркских языков. Иранское влияние явилось тем внешним импульсом, который усилил десингармонизацию. Поэтому там, где таджикский субстрат был значителен, сингармонизм разрушался более активно. Этим объясняется и то, что центром разрушения палатальной гармонии были сильно иранизованные говоры самаркандско-бухарской группы.

Ареальные исследования убеждают в том, что без внутренних причин ослабления противопоставления по ряду процесс разрушения палатальной гармонии не осуществился бы так, как мы его регистрируем в узбекских диалектах, этот процесс не имел бы такого активного отражения в территориально соприкасающихся диалектах других тюркских языков — уйгурского, киргизского, туркменского. В противном случае нельзя было бы зарегистрировать изоглоссу десингармонизации далеко за пределами Средней

¹⁷ Х. Д а н и я р о в, Бахмалский говор узбекского языка. АКД, М., 1955, стр. 41.

¹⁸ И. А. Б а т м а н о в, указ. соч., стр. 16.

¹⁹ О твердости и мягкости *к* см.: Е. Д. П о л и в а н о в, Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка, Ташкент, 1933, стр. 11.

Азии — в кумыкском, татарском, азербайджанском и других тюркских языках.

Интерпретация собранного материала применительно к задачам ареальной лингвистики имеет особое значение, поскольку без нее не могут быть сделаны соответствующие выводы. Интерпретируются самые различные явления, используемые при решении конкретных лингвистических задач.

Интерпретация результатов языковой интерференции в условиях контактирования языков и диалектов. Процессы языковой интерференции представляют явления исключительной сложности. Здесь немаловажное значение имеют такие экстралингвистические факторы, как историческая или социальная активность носителей языков и диалектов, род их занятий, характер общения, количественный фактор (численность говорящих), географическая среда и т. п. Немаловажное значение имеет также состояние языковых систем, которое может благоприятствовать усвоению особенностей чужого языка или диалекта или, напротив, оказывать сопротивление. Как правило, исследователь видит только конечные результаты языковой интерференции. Тем не менее, используя некоторые лингвистические точки опоры, он может определить особенности самих процессов языковой интерференции. Язык, служащий источником влияния, можно определить по результатам влияния. Гораздо труднее теоретически обосновать, почему та или иная особенность была усвоена языком воспринимающим. В данном случае можно применить лингвистический закон: в процессе интерференции язык или диалект чаще всего воспринимает от другого языка или диалекта те черты, которые отсутствуют в его собственной системе, при условии, если эти черты коммуникативно выгодны или восполняют недостающие лексические и грамматические средства. Так, например, в некоторых южных диалектах казахского языка, носители которых проживают в непосредственном соседстве с узбекским и киргизским населением, заметно увеличивается частотность употребления фонемы *ä* (орф. *ә*). Слабое развитие этой фонемы в других казахских диалектах позволяет сделать вывод об увеличении частотности этой фонемы в результате влияния узбекского и киргизского языков. Но это не единственная причина. Фонема *ä* не получила бы такого широкого распространения в южных диалектах казахского языка, если бы ее наличие в фонемном составе не создавало определенных преимуществ, в чем легко убедиться при сравнении двух рядов гласных: *а : е, о : ö, и : й* и *а : ä, о : ö, и : й*. С точки зрения сингармонизма, второй ряд обладает явными преимуществами, поскольку в противопоставлении гласных по велярному и палатальному ряду участвуют гомогенные гласные *а : ä, о : ö, и : й*. Нетрудно заметить, что в первом ряду противопоставление по ряду соблюдается, но *а* и *е* не являются гласными гомогенными. В сингармонистических языках существует тенденция к созданию симметричности гласных, противопоставляемых по велярному и палатальному ряду. Следовательно, это новшество не отталкивалось фонетической системой казахских диалектов.

Характерной особенностью казахского и киргизского языков, а также большинства диалектов каракалпакского языка является аффрикатизация начального *й*, который с точки зрения возможных звукоизменений переходит в *дж*, а последний — в сплант *ж* (ср. казахский язык). В некоторых узбекских диалектах, соседящих с казахским языком, начальный *ж* также подвергся аффрикатизации. Начальный *й* считается довольно слабым звуком, в языках же существует тенденция сделать начало слова более звонким. С лингвотехнической точки зрения начальный *дж* вместо *й* предпочтителен как более слышимый. Это лингвотехническое преимущество наблюдается в узбекских кыпчакских диалектах; можно предположить,

что в данном случае влияние исходило от казахского языка. Любопытно при этом отметить, что так называемое жежание было усвоено от казахского языка носителями некоторых восточных диалектов башкирского языка, хотя для башкирского языка начальные *дж* или *ж* совершенно не типичны. Все это еще не дает основания для вывода о том, что метод определения направленности языкового влияния, основанный на учете лингвотехнических удобств, является безотказным компасом, позволяющим определить эту направленность абсолютно во всех случаях. Однако в целом ряде случаев применение этого метода может принести пользу.

Учет социальных факторов имеет большое значение при оценке результатов языковой интерференции. Законы, которым подчиняются социальные явления, не совпадают с законами изменения языковых систем. Так, всякому языковому изменению оказывает сопротивление стремление говорящих сохранить язык в состоянии коммуникативной пригодности, в чем сказывается сила усвоенной привычки. Если при контактировании двух диалектов численность носителей одного диалекта будет намного преобладать над численностью другого, то, вероятнее всего, здесь произойдет полная ассимиляция диалекта с меньшим количеством говорящих, и будет усвоен диалект, имеющий большее количество носителей, хотя степень усвоения будет различной. В южных каракалпакских и киргизских диалектах, как и в узбекском, наблюдается начальный *й*, что свидетельствует о большей социальной активности носителей узбекских диалектов, благодаря чему в системе каракалпакского и киргизского языков появилась коммуникативно менее удобная особенность. Можно предположить, что эти говоры являются результатом смешения каракалпакского и киргизского языков с узбекским, где узбекский язык играл явно активную роль.

Следует, однако, заметить, что интерпретация подобного рода явлений представляет большие трудности. Не подлежит сомнению, что большая социальная активность языка, участвующего в языковом взаимодействии, не может не учитываться. Но язык или диалект при взаимодействии может не только навязывать другому языку или диалекту свои особенности, но и способствовать консервации сходных черт, которые в других диалектах воспринимающего языка могут исчезнуть. Так, например, в казахских диалектах, граничащих с узбекским и киргизским языками, сохраняется фонема *ч*, превратившаяся в других диалектах в *ш* (ср. казах. диалектн. *чет* ~ лит. *шет* «край», казах. диалектн. *чын* ~ лит. *шын* «истинный»). В этих же диалектах наблюдается сохранение старого *ш*, которому соответствует в литературном казахском языке *с* (ср. казах. диалектн. *ешек* «осел» вместо лит. *есек*). Другой пример: северные узбекские диалекты, как известно, не подверглись процессу десингармонизации. Очевидно, влияние территориально соседствующих казахского и киргизского языков способствовало консервации более раннего состояния.

Методы определения направленности влияний могут быть применены для исследования языковой интерференции в любой точке языкового ареала независимо от пограничных зон, поскольку процессы языковой интерференции примерно всюду являются одинаковыми.

Не исключена возможность, что результат влияния может быть одновременно обусловлен действием нескольких факторов, в числе которых закономерности языковой системы, различного рода социальные факторы, случаи сохранения старых явлений, а также фактор случайности. Отсюда следует, что методические принципы ареальной лингвистики нельзя рассматривать как жесткие правила, не знающие исключений.

Интерпретация языковых явлений, находящихся в зонах вибрации. Существуют языковые зоны, в ко-

торых различные языковые признаки находятся в колеблющемся, неопределенном состоянии. Так, в некоторых казахских диалектах $ч > ш$ и $ш > с$ осуществляются непоследовательно. В узбекских диалектах наблюдается неустойчивость оканья, а также чередования начальных $й$ и $дж$ и т. д.

Зоны вибрации всегда свидетельствуют о том, что языковые системы контактирующих диалектов в отдельных своих участках оказываются разрушенными, и в самих неустойчивых явлениях взаимодействующие языки уже четко не различимы. В зонах вибрации часто происходят живые процессы, которые с течением времени приводят к ликвидации этой зоны. Большой теоретический интерес представляет изучение причин вибрации, которые не всегда легко определить. По-видимому, «нарушителем» системы является социально более активный язык или диалект, поскольку часто разрушаются особенности языковой системы, с лингвотехнической точки зрения более выгодные. Не исключена возможность, что сначала воспринимается один элемент системы, который затем приводит к ее дальнейшему нарушению. Так, изменение фонемных пар, находящихся в определенном соотношении, может вызвать появление новых фонемных пар. Например, в случае воздействия узбекского консонантизма на казахский появление нового $ч$ в последнем может усилить противопоставление $ч \sim ш$, вследствие чего могут участиться случаи превращения $с$ в $ш$. Зоны вибрации обычно указывают на промежуточные этапы между двумя языковыми состояниями. Специфика подобных явлений исключает предположение о сохранении прежнего состояния, поскольку во всех случаях вибрации языковая система оказывается нарушенной. Вместе с тем иногда возможно и стихийное возникновение вибрации вследствие начавшейся ломки системы. Но такие случаи, по-видимому, редки и очень трудно определимы. В подавляющем большинстве вибрация является результатом диалектного смешения.

Интерпретация межъязыковых изоглосс имеет большое значение в работе лингвиста, занимающегося проблемами ареальной лингвистики. Изоглосса может указывать на пути миграции населения, свидетельствовать о наличии в далеком прошлом определенной языковой общности, быть результатом языковой интерференции или же конвергенции (т. е. случайного совпадения одинаковых черт).

Таким образом, возникают две важные ареальные проблемы: 1) выявление конвергенций, 2) выявление единой по своему характеру изоглоссы и 3) выявление пучка генетически связанных изоглосс.

Выявление конвергентных явлений. Языковые явления могут быть внешне одинаковыми, но это сходство может быть результатом совпадения. Например, в некоторых диалектах уйгурского языка наблюдается переход $к$ перед гласными переднего ряда в $ч$, ср. *чим* из *ким* «кто», *чишмиш* из *кишмиш* «кишмиш», *чирди* из *кирди* «он зашел». Такой же переход наблюдается и в нахичеванской группе диалектов азербайджанского языка, например, *чим* из *ким*, *чиши* из *киши* «человек» и т. д. В кураминских говорах узбекского языка $т$ перед гласными переднего ряда может переходить в $ч$, ср. *чъш* из *тиш* «зуб». То же явление имеет место в истории чувашского языка, ср. чуваш. *чĕлхе* «язык» и татар. *тел*. Такого типа сходство может носить случайный характер, поскольку языки удалены друг от друга на значительное расстояние.

Пратюркское q в чувашском и якутском языках превращалось в $х$. Ср.: чуваш. *хур*, якут. *хас* «гусь», татар. *каз*, чуваш. *хура*, якут. *хара* «черный», татар. *кара* и т. д. Можно предположить, что в чувашском и якутском языках данное фонетическое явление возникло независимо. Это подтверждается и тем, что якут. $х$ имеет совершенно другую дистрибуцию по

сравнению с чуваш. x : в чувашском языке $q > x$ осуществлялся тотально, тогда как в якутском q не переходит в x в положении перед y и y (ср. якут. $ык$ «давить» из $суq$, $кыыс$ «девушка» из quz , $ук$ «всовывать» из $суq$ ²⁰).

Изменение $ч > ш$ характеризует казахский, каракалпакский, северные диалекты алтайского языка, тувинский и шорский языки. Переход $ч > ш$ в ногайской группе языков и в тюркских языках Сибири происходил в разное время. В ногайской группе языков $ч > ш$ влекло за собой $ш > с$, тогда как в шорском, тувинском и северных диалектах алтайского языка $ш > с$ не происходил, поскольку избыточность $ш$ устранялась соноризацией интервокального $ш$. Кроме того, переход $ч > ш$ устранял избыточность $ч$, возникшую в результате оглушения начального $дж$.

В башкирском и туркменском языках существуют интердентальные спиранты $з$ и $с$, однако их происхождение и дистрибуция различны. Возникновение $с$ из $з$ в башкирском языке устраняло избыточность $с$, тогда как в туркменском в $с$ переходило любое $с$.

В чувашском, хакасском и шорском языках произошло оглушение звонких согласных в начале слова. Предполагают, что это результат влияния языков-субстратов. Оглушение начальных звонких в этих языках между собой не связано, так как для чувашского возможным языком-субстратом мог быть марийский, а для хакасского и шорского — самодийские языки.

В некоторых ногайских диалектах начальный $й$ переходит в $дж$. Подобное же явление наблюдается в кураминских говорах узбекского языка. Оба типа $й$ возникли совершенно независимо друг от друга. В кураминских говорах $й$ отчасти мог переходить в $дж$ под влиянием диалектов киргизского и казахского языков, тогда как в диалектах ногайского языка он мог возникнуть в результате самой звуковой тенденции $й > дж$.

Совершенно очевидно, что конвергентные изоглоссы не могут быть использованы для доказательства близкого генетического родства языков: они проходят через изолированные языки, не имеющие между собой никакой связи, и часто вызываются разными причинами. Выявление конвергентных изоглосс требует от лингвиста знания общей типологии изменения звуков в различных языках и так называемых фреквенталий, т. е. наиболее часто встречающихся сходных изменений звуков как в родственных языках, так и в языках неродственных.

Выявление связанных изоглосс. Эти последние, в отличие от конвергентных изоглосс, возникают в языках, некогда входивших в одну языковую общность, или в языках, расположенных на смежных территориях и контактирующих между собой, что обеспечивает единое происхождение изоглоссных явлений. Наиболее типичным примером связанных изоглосс могут быть переходы $ч > ш$ и $ш > с$, характерные для казахского, каракалпакского и отчасти ногайского языков. В результате деаффрикации начального $дж > ж$ в казахской консонантной системе появился $ж$, что вызвало к жизни тенденцию к противопоставлению $ж$ фонеме $ш$, а это привело к переходу в $ш$ исконного $ч$, который к тому же характеризовался ослаблением смычки. Переход $ч > ш$ создал избыточность $ш$, которая впоследствии была устранена путем $ш > > с$. Подобные переходы могли осуществиться тогда, когда казахский, каракалпакский и ногайский языки входили в одну языковую общность.

Переход $ч > ш$ совершился также в тюркских языках Сибири — тувинском, шорском и северных диалектах алтайского языка. Но здесь причина $ч > ш$ была совершенно другой. В результате приглушения начального $дж$

²⁰ N. P o p p e, Das Jakutische, «Philologiae Turcaeae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 677.

(ср. тув. *чыл*, шор. *чыл*, сев.-алт. *чыл* при-кирг. *джыл* «год») на месте *дж* появился *ч*, что создало избыточность *ч*, который перешел в *ш*. В отличие от языков ногайской группы, здесь избыточность *ш* устранялась не путем $ш > с$, а переходом интервокального $ш > ж$. Следовательно, в данном случае $ч > ш$ имел место в ином языковом союзе и имел другие причины.

Такими же связанными изоглоссами является появление настоящего времени с показателем *-а* (типа узб. *барамын* «я иду») и закрепление за древнетюркским аористом значения будущего времени в языках кыпчакской группы. Как известно, настоящее время на *-р* в пратюркском состоянии имело значение настоящего и будущего одновременно. Появление настоящего времени на *-а* создало специализацию времени с показателем *-р*, получившим значение будущего времени, в зонах распространения кыпчакских и карлукских языков.

Связанные изоглоссы имеют некоторые территориальные признаки. Они часто охватывают сравнительно небольшие районы. Например, настоящее время типа казах. *баруда* «он идет в данный момент» встречается в казахском, каракалпакском, киргизском и отчасти башкирском языках, в которых нет инфинитива на *-мак*. Форма на *-уда* не встречается в других тюркских языках. Возможно, что эта изоглосса возникла не без влияния узбекской формы типа *бормоқта(дыр)* «он идет в данный момент».

Пространственная непрерывность изоглоссы тоже может служить показателем связанности фиксируемых явлений. Отсутствие аффрикаты *дж*, превратившейся в *ц*, встречается в языках сибирских татар; некогда это явление существовало в башкирском языке, в настоящее время оно наблюдается в западном диалекте татарского языка.

Однако территориальная близость языков — не всегда обязательное условие связанности изоглоссных явлений. Последние могут встречаться и в языках, удаленных друг от друга на очень большое расстояние. Ср., например, кыпчакские языковые черты в татарском, хакасском и якутском языках. Это происходит в тех случаях, когда меняются границы языковых союзов. Связанные изоглоссные явления больших языковых союзов устанавливаются обычно на основе применения сравнительно-исторического метода. При выявлении связанных изоглосс необходимо хорошее знание языковых импликаций или таких лингвистических явлений, когда одно предполагает другое, поскольку оно с ним причинно связано. Выявление связанных изоглосс имеет очень большое значение для изучения истории тюркских языков и их исторических контактов, а также для исторической диалектологии. К сожалению, в тюркологии эта отрасль пока совершенно не развита. Связанные изоглоссы могут также служить точкой опоры для проверки различных гипотез, касающихся происхождения отдельных тюркских языков и народов.

Следует, однако, оговорить, что изоглоссы, характеризующие ту или иную языковую общность, могут быть причинно между собой не связаны. Какая, например, внутренняя причинная связь существует между причастием на *-мыш* и дат.-напр. падежом на *-а*, характеризующими огузскую группу языков? Здесь уже приходится применять другие приемы, например, учет массовости явления в сочетании с другими признаками, обнаруживающими такую же массовость проявления, которая исключает конвергентность.

Использование ареальных явлений для определения путей миграции. Ареальные явления могут быть использованы для определения древних путей миграции населения. Например, большое количество вторичных долгот характеризует киргизский и алтайский языки. Ср. кирг. *тоо* «гора», оор «тяжелый»; алт. диалектн. *туу*, аар. Основная причина образования вторичных долгот связана в обоих языках с последовательным соблюде-

нием губной гармонии гласных (ср. кирг. *өлкөлөрдө* «в странах», южноалт. *кӧргӧн* «видевший», *болгон* «бывший»²¹). Губная гармония, очевидно, способствовала выравниванию смежных гласных.

Некоторые изоглоссы языков Средней Азии располагаются в направлении с юго-запада на северо-восток, что также можно рассматривать как след древних миграций. Отдельные азербайджанские говоры обнаруживают совершенно явные кыпчакские особенности, что может быть результатом проникновения кыпчакских племен на территорию Азербайджана. Для установления направления миграции могут быть использованы такие явления, как затухание изоглосс. Типичный для языков ногайской группы переход $ч > ш$ и $ш > с$ в диалектах ногайского языка осуществляется крайне непоследовательно. Фактически эти диалекты представляют зону вибрации, а это говорит о том, что ногайский язык отделился от центра инновации, находящегося в северной части Казахстана, когда переход $ч > ш$ и $ш > с$ еще полностью не завершился. На этом основании можно сделать вывод, что ногайцы пришли на Кавказ из Средней Азии.

Следует также иметь в виду, что чрезвычайная пестрота языковых признаков указывает на зоны интенсивной и многослойной колонизации (к числу таких зон принадлежат, например, Чуйская долина).

Определение центров инновации подразумевает установление возможного очага зарождения явления. При этом должно быть доказано, что зарождение явления в других точках ареала не представляется возможным. Приведем несколько наиболее показательных примеров. Вероятным центром зарождения аффрикатизации *й* в Средней Азии были северные говоры казахского языка. Южные казахские, киргизские и каракалпакские говоры обнаруживают сохранение начального *й*. Имеются следы *й* в северных киргизских диалектах. В некоторых северных узбекских говорах аффрикатизация явно возникла под влиянием этих языков. Для южной части среднеазиатского региона начальная аффриката *дж* не типична. Таким образом исключается возможность зарождения этой инновации во всех других районах, тем более, что в киргизском и казахском языках она осуществляется наиболее компактно.

Отличительной особенностью киргизского и алтайского языков является довольно большое количество так называемых вторичных долгот, связанных, по-видимому, с последовательным соблюдением губной гармонии гласных (в алтайском языке она последовательно проводится в южных диалектах). Если считать, что лексически киргизский язык ближе к узбекскому языку (для которого последовательное соблюдение губной гармонии нехарактерно), чем к алтайскому, то центр инновации предположительно можно искать в зоне распространения алтайского языка.

Умлаутизация *а* является характерной особенностью уйгурского языка (уйг. *ат* «лошадь» — *етлер* «лошади»). Это явление отчасти распространяется и на отдельные узбекские говоры. Центр инновации, вероятно, находится на территории распространения уйгурского языка, поскольку совпадение фонем *ы* и *и* (главная причина умлаута) возникло раньше всего в уйгурском языке.

Если имеются достаточно выраженные зоны затухания явления, то центр инновации, естественно, не может находиться ни в зонах затухания, ни в зонах вибрации. Есть основания допустить, что центр инновации приходится на зону сгущения встречаемости явления. Так, например, оканье, характерное преимущественно для городских диалектов узбекского языка, локализуясь в самаркандско-бухарских говорах, ослабевает на территориях юго-восточной и юго-западной групп говоров. Оканье угасает в

²¹ Н. А. Баскаков, Алтайский язык, М., 1958, стр. 69.

районе Ферганы, но распространяется на юго-западную часть Киргизии. Однако в Киргизии это фонетическое явление недавнего происхождения, поскольку *o* в киргизских говорах не является самостоятельной фонемой.

Параллельно с установлением центров инновации может производиться изучение истории изоглоссных явлений в определенных ареалах. Это осуществляется обычно путем обнаружения реликтов прежнего состояния. Можно, например, предполагать, что современные несингармонизованные узбекские говоры некогда были сингармонистическими говорами, так как в них сохраняются следы былой гармонии гласных. Например, в несингармонизованных говорах произношение *i* колеблется от более переднего варианта в слове *икки* «два» до более заднего варианта в слове *қиш* «зима», такое же колебание испытывает звук *y* — от более переднего в слове *учун* «для» до более заднего в слове *узун* «длинный»; узбекская фонема *a* имеет более передний вариант в слове *мана* «вот» и более задний вариант в слове *қанча* «сколько»²². Нетрудно заметить, что эти варианты в точности соответствуют гласным заднего и переднего ряда в тюркских языках, сохраняющих гармонию гласных. В узбекских несингармонизованных говорах сохранились два типа *к* — веларный *к* (*қ*) и переднерядный *к*. Веларный *қ* употребляется перед более задними вариантами гласных *a*, *u*, *y*.

В настоящее время киргизский и казахский языки связывает изоглосса, показывающая аффрикатизацию начального *й*. Следует отметить, что в казахском *дж*- уже ослабился в *ж*-. Однако в киргизском языке имеются явления, указывающие на то, что некогда начальный *й* не был аффрикатизирован. Так, в киргизском аффриката *дж* перед узкими гласными может отсутствовать (ср. кирг. *ыр* «песня» и казах. *жыр* < *джыр*, кирг. *ыраак* «далеко» и казах. *жырақ* < *джырақ*); это объясняется отпадением начального *й* перед узкими гласными — по этой причине здесь не произошла аффрикатизация начального *й*.

Выявление влияний языковых субстратов. Лингвисту нередко приходится иметь дело с установлением влияний языковых субстратов, причем такого рода исследования должны быть подчинены определенной методике.

Очевидность влияния языка-субстрата, как и полнота доказательств этого, зависят от наличия нижеследующих условий: 1) воздействие языка-субстрата должно отражаться в разных языковых сферах, т. е. в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса, 2) языковое явление может быть квалифицировано как результат воздействия языка-субстрата только в том случае, если его нельзя объяснить как следствие органического развития структуры языка, подвергшегося языковому влиянию; 3) данные фонетики, морфологии и синтаксиса, интерпретируемые как результат воздействия субстрата, должны обнаруживать показатели системной организации и ни в коем случае не быть отрывочными и единичными; 4) при исследованиях влияния языка-субстрата необходимо привлекать данные топонимии и гидронимии, позволяющие определить территорию распространения предполагаемого языка-субстрата²³.

Изучение влияния языка-субстрата в значительной степени облегчается в тех случаях, когда язык-субстрат исчезает только в одной части территории и продолжает существовать в другой. В пользу, например, гипотезы о том, что для чувашского языка языком-субстратом является марийский язык, свидетельствует прежде всего ряд общих явлений, свойственных как марийскому, так и чувашскому языкам, а также имеющаяся на территории современной Чувашии марийская топонимия и гидронимия. Например, в чувашском и марийском притяжательные суффиксы предшест-

²² В. В. Решетов, Основы фонетики и грамматики узбекского языка, Ташкент, 1965, стр. 12.

²³ «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», стр. 152.

вуют аффиксу мн. числа. Эту особенность чувашский воспринял от марийского языка-субстрата, так как для других тюркских языков типичен обратный порядок расположения — «аффикс мн. числа + притяжательный аффикс». Усилительная частица *ак* в марийском имеет те же значения, что и усилительная частица *ах* в чувашском. В данном случае также приходится допускать влияние марийского субстрата, поскольку в тюркских языках нет частицы *ак*, которая имела бы те же самые значения, что и марийская частица *ак* ²⁴.

Помимо соблюдения вышеперечисленных правил, необходимо всегда иметь в виду основное требование. Прежде чем квалифицировать то или иное явление в плане влияния субстрата, необходимо тщательно исследовать, не было ли в данном языке или группе языков внутренних предпосылок, которые могли бы привести к тому же результату. В таком случае субстрат мог играть роль только катализатора. Яркой иллюстрацией несоблюдения этого положения служит теория субстратного происхождения оканья и устранения сингармонизма в узбекских говорах. На самом деле все эти явления медленно и постепенно назревали в самих тюркских языках, а иранское влияние явилось катализатором, ускорившим эти процессы.

Исследование языков методами ареальной лингвистики гораздо более полно раскрывает особенности отдельных тюркских языков. Предложенные классификационные схемы тюркских языков используют довольно ограниченный набор признаков. К тому же, существующее в различных тюркских языках и диалектах огромное число сходных явлений, которые иногда используются в качестве классификационных признаков для выявления генетических общностей, на самом деле нередко оказываются конвергентными явлениями. Такой, например, признак, как губная гармония, с одной стороны, способствует укреплению агглютинативного строя, а с другой оказывается рецессивным. (Этот тип гармонии соблюдается, например, далеко не во всех диалектах киргизского языка, в котором он наиболее ярко выражен.)

Для того чтобы из массы перекрещивающихся изоглосс, характеризующих зоны распространения родственных языков, выделить классификационные дистинктивные признаки, необходима особая методика. Так, в качестве дистинктивных могут быть использованы внешне совершенно одинаковые признаки только при том условии, если они обладают различной степенью частотности, т. е. различной дистрибуцией по языкам. В качестве дистинктивных признаков можно также использовать явления, имплицитно связанные, отражающие определенные системные взаимозависимости. Ср. *й > ч* в тувинском, хакасском и шорском языках и соноризация интервокального *ж*; наличие узких редуцированных гласных и сужение гласных в татарском языке и т. д. Очень важным является включение лексических признаков в число классификационных при обязательном условии охвата всех уровней лексики. Применение современных статистических методов при этом позволит определить проценты материально родственных слов.

Ареальная лингвистика, самым тесным образом связанная с детальным изучением диалектных данных, значительно расширяет возможности компаративиста. Компаративист пользуется сравнительно ограниченным набором данных для сравнения, нередко стремится представить процесс развития звуков (или форм) линейно, отмечая на этой линии возможные этапы развития. Последнее может привести исследователя к довольно односторонним выводам. Так, например, «первоначальный *й* трансформируется в *дж*» —

²⁴ Там же, стр. 154.

эта объединенная схема исторического развития не дает детального представления, как такой фонетический процесс мог происходить в действительности; исследователь в таком случае вправе только гипотетически предполагать возможные промежуточные звенья развития этих звуков. Преимущества лингвиста, занимающегося проблемами ареальной лингвистики, заключаются в том, что он, благодаря большому количеству зафиксированных состояний звуков, форм на различных языковых территориях, имеет возможность составить более наглядное представление об этих процессах. Так, например, данные ареальных исследований свидетельствуют о том, что $\dot{y} > \dot{d}j$ происходил постепенно на фоне многочисленных колебаний. Зарегистрированные зоны вибраций $\dot{y} \sim \dot{d}j \sim \dot{z}$ отражают такие состояния языков, когда либо начинается аффрикатизация $\dot{y}$, но полностью не завершается, либо, наоборот, происходит йетизация $\dot{d}j$ вследствие языковых контактов. Действовала и тенденция освободиться от старого $\dot{y}$ как звука более слабого и заменить его аффрикатой $\dot{d}j$. Сам процесс аффрикатизации $\dot{y}$ сохранил в реликтовом состоянии промежуточные ступени, в числе которых одной из ранних является ступень $\dot{y} > \dot{d}/\dot{d}' > \dot{d}j > \dot{z}$. Ср. у казахов Кустанайской области: $\dot{d}y\dot{z}ik \sim \dot{z}y\dot{z}ik$ «кольцо», $\dot{d}y\dot{z} \sim \dot{z}y\dot{z}$ «сто»; в галляаральском говоре узбекского языка *дастық* вместо *жастық* «подушка», ккалп. диалектн. *дастық*; азерб. диалектн. *думрух* вместо *иумрух* «кулак»; к.-балк. диалектн. *дулдуз* $\sim$ *жулдуз* $\sim$ *зулдуз* «звезда»²⁵.

Ареальное исследование тюркских языков позволяет в известной мере определить истоки явления, обнаруженного на одних территориях и получившего продуктивное развитие на других территориях; при помощи приемов ареальной лингвистики проясняются подходы к будущему изменению. Так, например, десингармонизация части узбекских диалектов, в частности, ослабление палатальной гармонии, была усилена иноязычным влиянием. Истоки этого сложного фонетического явления коренятся в самой системе вокализма тюркских языков. Неустойчивость фонемы *a*, ее склонность к разного рода фонетическим трансформациям (ср. *a* $\sim$ *ы*, *a* $\sim$ *o*, как и тенденции к опереднению, явление умлаута), совпадения фонем *ы* и *и*, *o* и *ө* в узбекских, уйгурских, киргизских говорах — все это приводило к ослаблению противопоставления гласных по ряду, а это, в конечном итоге, создавало десингармонизованные ряды. Этот перебой рядов как импульс дальнейших изменений нашел отражение в различных диалектах и говорах тюркских языков (ср. в киргизском ноокатском говоре *таңц* вместо кирг. лит. *атаңа*). Истоки разрушения палатальной гармонии следует искать и в таких внутрисистемных особенностях фонетической структуры тюркских языков, как более задняя артикуляция умлаутированных гласных в карлукских языках, повышенная склонность к редукции в кыпчакских языках, тенденция к опереднению *к* и к его трансформации в *х*. Эти факты, широко отмечаемые в живых диалектах среднеазиатских тюркских языков, могли приводить к ослаблению противопоставлений по ряду, а тем самым и к десингармонизации. Истоки оканья можно зарегистрировать там, где отмечается некоторая открытость слегка редуцированного начального *a* первого слога (типа *ǰara*). Исторические фазы развития оканья (при его усилении в иноязычном окружении) представлены в системе узбекских диалектов и соприкасающихся с ними других диалектов тюркских языков,

²⁵ А. Б а й ж о л о в, Языковые особенности казахов Кустанайской области, Алма-Ата, 1964, стр. 11; В. Э г а м о в, Галля-аральский говор Самаркандской области. АКД, Самарканд, 1954, стр. 11; М. Ш и р э л и ж е в, Азербайджан диалектолокијасынын эсаслары, Баку, 1962, стр. 85; А. М. А п п а е в, Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку, Нальчик, 1960, стр. 48.

где зарегистрированы поэтапные внутрисистемные изменения фонетической структуры (появление фонемы *a* обуславливает характер и распределение фонем *ä* и *a*). Зарегистрированные к юго-востоку от Ташкента в районе Ангренской долины, в районе, где не отмечалось сколько-нибудь интенсивное смещение с таджикским населением, многочисленные случаи неустойчивости, вибрации оканья и аканья отражают угасание оканья.

В связи с преимуществами ареальных исследований, которые предоставляют лингвисту в живом их воплощении зарегистрированные промежуточные этапы в развитии отдельных звуков и форм, уместно привести высказывание немецкого диалектолога Р. Хильдебрандта. Характеризуя «Диалектологический атлас немецкого языка» он замечает: «Оптически синхронная картина немецкой языковой области образцово представлена сотнями карт. Все немецкие диалектные ландшафты могут быть показаны со всеми подробностями на многочисленных картах. Такие примечательные изменения звуков в истории немецкого языка, как верхненемецкое передвижение согласных, новонемецкая дифтонгизация и монофтонгизация, а также многие случаи территориально ограниченных изменений звуков, предстают перед глазами в одном синхронном срезе»²⁶.

Ареальные исследования не только уточняют представления о языках того или иного региона, но и имеют общезыковедческое значение. Так, установление зон распространения целого ряда явлений, как и типов изоглосс (особенно конвергентных), способствуют выявлению существенных в общезыковедческом плане процессов. Ареальные исследования убеждают в том, что при объяснении изоглоссных явлений важно учитывать следующие факторы: общую типологию изменения звуков в различных языках, возможность внешних влияний со стороны иносистемного языка, субстратные напластования, а также внутрисистемные условия развития изучаемого явления.

Для теории общего языкознания могут представить интерес процессы, происходящие в пограничных районах, а именно языковая интерференция смежных диалектов, дающая далеко не одинаковые результаты в каждом конкретном случае. Ареальные исследования позволяют наметить некоторые тенденции в усвоении различных языковых черт. Результаты ареальных исследований, расширяя возможности компаративиста, позволяют разработать методику определения потенциальной направленности влияния, динамику распространения явлений, а также предложить более строгую методику выделения классификационных дистинктивных признаков. Таким образом, разработка методов ареальной лингвистики может явиться необходимым дополнением к методам генетического, типологического и социологического исследования языков.

²⁶ К. Hildebrandt, Der Deutsche Wortatlas als Forschungsmittel der Sprachsoziologie, в кн.: «Wortgeographie und Gesellschaft», Berlin, 1968, стр. 140.